

"Ирония судьбы" 1976, 25 авг
№20

С ТВОРЧЕСТВОМ Эльдара Рязанова зритель обычно встречается в кино — на очередной комедии или в театре, где идут веселые пьесы Э. Брагинского и Э. Рязанова. Иногда зритель читает повести, написанные этими авторами.

Но недавно встреча с Эльдаром Рязановым произошла на экране телевизора. И несмотря на то, что со дня показа нового фильма Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром» прошел почти месяц, разговоры и споры о картине продолжаются. И, естественно, первый вопрос, который я задал режиссеру, был такой:

— Эльдар Александрович, вы впервые сняли фильм для телевидения. Почему?

— У телевидения есть достоинства, есть и недостатки по сравнению с кинематографом. Скажем, одновременный охват огромной аудитории — это достоинство телевидения, которое дает потрясающий эффект: в один вечер «Иронию судьбы» посмотрело около 70 миллионов человек. Экранной картине, чтобы набрать такое количество зрителей, нужно полтора—два года. К недостаткам телевидения относится то, что у него маленький экран и еще далеко не у всех есть цветные телевизоры, и то, что человек смотрит комедию вдвоем, втроем или даже в одиночестве. Нет дыхания зала. Поэтому получается совершенно другое восприятие. Ведь с увеличением аудитории смех возрастает не в арифметической, а в геометрической прогрессии.

Но у меня такая точка зрения: и в кино, и на телевидении работаешь для зрителя, а я одинаково нежно и с симпатией отношусь к зрителю, который смотрит фильм в кинотеатре, сидя в пальто, и к тому, который, сидя в тапочках, смотрит фильм по телевизору. Ведь это один и тот же зритель.

В кинематографе не привыкли и не любят делать двухсерийные комедии. Именно поэтому я сделал эту картину для телевидения, которое, наоборот, любит многосерийные фильмы. А «Ирония судьбы», как мне кажется, требовала подробного, обстоятельного рассказа, внимательного прослеживания человеческих взаимоотношений. У нас любовь часто показывают в кино примерно так: он увидел ее, она увидела его, они посмотрели друг друга в глаза, а уже следующая сцена — в загсе или на свадебном пиру. Но то, что было между этими событиями, представляет, с моей точки зрения, самое интересное. Мы показали, как два человека, начав свои отношения неприязнью, чуть ли не дракой, постепенно взглядываются друг в друга. Происходит сближение, возникновение нежности и, наконец, любви. Вот этот процесс и требовал подробного рассмотрения, требовал двух серий. Кроме того, драматургия фильма такова, что экранное время почти приближается к подлинному времени в жизни, и такая своеобразная драматургия тоже потребовала внимательного, подробного рассказа.

— Критика часто затрудняется, к какому жанру отнести ваши фильмы. А как бы вы сами определили жанр своих комедий?

— Мои фильмы сделаны в разных жанрах. Например, «Карнавальная ночь» — музыкальная сатирическая комедия без примеси других жанров. «Гусарская баллада» — тоже картина, выдержанная в чистом жанре героической комедии. «Невероятные приключения итальянцев в России» — трюковая эксцентрическая комедия. И только. А вот фильмы «Берегись автомобиля», «Зигзаг удачи», «Старика-разбойники» и «Ирония судьбы» сделаны в смешении многих жанров. И потому, наверное, их трудно подчинить анализу. Помню, первая рецензия на фильм «Берегись автомобиля» называлась «Три жанра одной комедии». Критик упрекал меня в том, что в фильме есть и детектив, и драма, и пародия, и что все это перепуталось, а так не бывает. Я не согласен с этим критиком — считаю, что смешение жанров обогащает произведение.

В «Зигзаге удачи» есть элементы и мелодрамы, и комедии, и рождественской сказки, и сатиры. В «Иронии судьбы» — другой «коктейль», если так можно сказать. Здесь есть элементы драмы, мелодрамы, музыкального и поэтического кинематографа, а в самом сюжете есть элемент водевиля. А вообще-то я считаю, что писать надо смешнее, а снимать — грустнее. Тогда и происходит та самая смесь, которая, как мне кажется, интересна и затрагивает более широкую аудиторию.

— Можно ли считать, что именно это смешение жанров и есть ваш индивидуальный жанр?

— Трудно сказать. Ведь Чарли Чаплин делал это замечательно и за много лет до меня в своих фильмах «Новые времена», «Огни большого города», «Золотая лихорадка». Здесь смешение веселого и печального гениально. Правда, у Чаплина это всегда трюковая, эксцентрическая комедия, в которую включались эпизодические, сентиментальные эпизоды.

— Эльдар Александрович, вы как-то говорили, что большое влияние на ваше творчество оказал итальянский неореализм. Видимо, оттуда интерес ваш к реальности, жизненным обстоятельствам?

— Безусловно, неореализм наложил большой отпечаток на мои фильмы. Когда мы с Э. Брагинским пишем сценарий, то берем всегда ситуации-пики, которые лежат на грани невероятности, а снимаю я это как абсолютно реалистическую картину, как правду, с желанием, чтобы зритель безоговорочно верил, что так было, что так могло быть. От этого — внимание к социальным характеристикам людей, к тому, в каких условиях, в каком окружении они живут, как одеты. То есть зритель должен узнавать в фильме себя, своих друзей — окружающую жизнь.

Раньше у нас выходило много комедий, в которых зритель не узнавал ничего. Это был выдуманный киномир с выдуманными героями, которые появлялись в огромных квартирах, в красивых нарядах и обязательно в солнечную погоду. К жизни это не имело никакого отношения. Я считаю, что комедия — форма мышления. И она должна показать жизнь безо всяких скидок на жанр.

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

Комедия может рассказывать обо всем: даже о войне и о самых значительных событиях в жизни народа, естественно, не переводя это в зубоскальство, а относясь с уважением и сочувствием к драматическим коллизиям.

— Какие фильмы, с вашей точки зрения, вам удалось, а какие нет?

— Это очень трудный вопрос, потому что были случаи, когда я считал, что фильм удался, а публика его не принимала. Так было, например, с фильмом «Человек ниоткуда», с моей точки зрения, интересным, забавным, своеобразным. А иногда бывает, что фильм очень точно угадывает настроение общества, улавливает нюансы времени, какие-то «микrokлиматы». Тогда он вдруг становится выразителем дум огромных слоев общества. Так было с «Карнавальная ночь», которая появилась в 1956 году, «легла» на праздничное настроение. Так что это вопрос трудный. Я только хочу добавить, что никогда не работал вполсилы. В каждую картину я вкладываю все то, что умею делать на данном этапе.

— «Карнавальная ночь», «Зигзаг удачи», теперь «Ирония судьбы» — действие всех этих фильмов происходит на рубеже года. Выходит, в вашем творчестве новогодний праздник стал чем-то вроде традиционного сюжетного хода?

— Все это чистая случайность. Но не исключено, что если я сделаю еще что-нибудь про Новый год, то меня начнут уже обвинять в преступной страсти к этому празднику.

— Эльдар Александрович, какими качествами, по-вашему, должна обладать хорошая комедия?

— Я считаю, что сценарий такой комедии должен иметь интересный сюжет, изменяющиеся характеры, блестящие диалоги. Режиссер, который знает, что он хочет, должен точно подобрать ансамбль актеров, оператора, художника, композитора и заставить максимально точно осуществить свой замысел. Кроме того, фильм должен угадать умонастроения огромных масс и ответить на эти настроения. Если все это происходит, тогда комедия имеет успех.

— Всем известно ваше сотрудничество с писателем Э. Брагинским. В вашем общем творческом активе — повести, сценарии, пьесы. Так кто же вы: Рязанов-режиссер или Рязанов-писатель?

— Стараюсь работать по очереди — и тем, и другим. Сейчас пришла очередь писать. И мы написали пьесу. А вообще жизнь моя в последние пятнадцать лет, с тех пор, как мы работаем с Брагинским, сложилась так, что как только я кончаю картину, он «вцепляется» в меня мертвой хваткой, и мы садимся писать. Потом мы кончаем писать, и я начинаю снимать. Получается, что я все время отдыхаю. Потому что отдых — это перемена занятия.

Но если говорить серьезно, то мне и так, и главнее. А вот Брагинский знает: он хочет, чтобы я бросил снимать. Но я этого не собираюсь делать.

Интервью вел
С. ПАРХОМОВСКИЙ.